LI 17156

39/3207

L I 17156

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ВЗГЛЯДЫ

А. С. ПУШКИНА.

РѢЧЬ

ПОЧЕТНАГО ЧЛЕНА ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

сенатора А. Ѳ. КОНИ

ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ 26-ГО МАЯ 1899 ГОДА.

ПРОВѢРКА 1558

Проверка 2007

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9-я л., № 12.

1900.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ
Апрѣль 1900 г. Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

Общественные взгляды А. С. Пушкина.

Поэтъ съ многогранною душою, Пушкинъ былъ не только геніальною личностью, но и великимъ явленіемъ жизни русской. Въ признаніи именно такого его значенія сходятся между собою, съ различныхъ точекъ зрѣнія, Гоголь, Бѣлинскій и Достоевскій. Но великія явленія какъ въ области нравственной природы, такъ и въ области природы физической имѣютъ одно общее сходство: про нихъ никогда нельзя сказать, что они изучены окончательно. Ихъ глубокое значеніе, ихъ сила и воздѣйствіе на окружающее никогда не раскрываются вдругъ и сразу. Поэтому и Пушкинъ — несравненный выразитель коренныхъ началъ народнаго духа, могучій и вдохновенный ковачъ родного языка, мыслитель и пѣвецъ, историкъ и гражданинъ — представляетъ неисчерпаемый матеріалъ для изученія. Въ его духовной природѣ, по мѣрѣ созрѣванія и расширенія русской мысли, по мѣрѣ болѣе близкаго знакомства со всѣмъ, что къ нему относится, открываются все новые горизонты. Этимъ онъ походитъ на своего любимаго историческаго героя, на великаго Петра. Съ него начинается у насъ литература въ ея настоящемъ значеніи — выразительницы свойствъ и потребностей общества и провозвѣстницы его упованій —, и какую бы сторону ея ни изслѣдовать, приходится почти всегда придти къ Пушкину. Ему ничто не было чуждо: его трезвый, проникновенный и чуждый исключительности умъ, вооруженный геніальною силой выраженія, отзывался на всѣ проявленія и вопросы окружающей жизни и сыпалъ искры при каждомъ ея прикосновеніи, а его глубокая любовь къ родинѣ, исполненная чувства, но чуждая чувствительности, заставляла его вникать во всѣ условія ея быта и исторіи. Полонскій справедливо сказалъ о немъ: «Это геній все любившій, все въ самомъ себѣ вмѣстившій». Поэтому, оставляя въ сторонѣ поучительные вопросы о свойствахъ творчества Пушкина, о его безсмертныхъ заслугахъ для русскаго

языка и словесности, о его художественномъ «credo», можно остановиться на его нравственныхъ и правовыхъ взглядахъ и, пользуясь его сочиненіями, письмами, замѣтками, а также воспоминаніями о немъ Смирновой, князя Вяземскаго и др., попробовать вглядѣться въ его отношеніе къ одной изъ важнѣйшихъ сторонъ жизни общественной.

Пушкинъ былъ исполненъ чувства и исканія правды. Но правда проявляется въ искренности въ *отношеніяхъ* къ людямъ, въ *справедливости* въ дѣйствіяхъ съ ними. Тамъ, гдѣ идетъ дѣло объ отношеніи цѣлаго общества къ своимъ сочленамъ, объ ограниченіи ихъ личной свободы во имя общаго блага и о защитѣ правъ отдѣльныхъ лицъ, эта справедливость должна находить себѣ выраженіе въ *законодательствѣ*, которое тѣмъ выше, чѣмъ глубже оно всматривается въ жизненную правду людскихъ потребностей и возможностей, и въ *правосудіи*, осуществляемомъ судомъ, который тѣмъ выше, чѣмъ больше въ немъ живого, а не формальнаго отношенія къ личности человѣка. Вотъ почему — justitia fundamentum regnorum. Но право и нравственность не суть чуждыя или противоположныя одно другому понятія. Въ сущности — источникъ у нихъ общій, и существенная ихъ разность должна состоять главнымъ образомъ въ принудительной обязательности права въ сравненіи со свободною осуществимостью нравственности. Отсюда связь правовыхъ воззрѣній съ нравственными идеалами. Чѣмъ она тѣснѣй, тѣмъ больше обезпечено разумное развитіе общества. Право имѣетъ, однако, свой писанный кодексъ, гдѣ указано, что̀ *можно* и чего *нельзя*. У нравственности такого кодекса нѣтъ, и, отыскивая, что̀ *надо* дѣлать въ томъ или другомъ случаѣ, человѣку приходится вопрошать свою совѣсть. Но внутренній голосъ, называемый совѣстью, истекаетъ изъ началъ, у большинства людей неразрывно связанныхъ съ вѣрою, съ религіознымъ ихъ строемъ. Въ этомъ голосѣ имъ слышится отголосокъ воли высшаго существа, сознаніе связи съ которымъ и отвѣтственности предъ которымъ такъ возвышаетъ и укрѣпляетъ душу мно-

гихъ въ минуты житейскаго смятенія. Нравственныя начала, черпая свои силы въ религіи, проникаютъ съ разныхъ сторонъ въ область права. Поэтому, говоря о правовыхъ воззрѣніяхъ Пушкина, трудно избѣжать необходимости ознакомиться съ его нравственными воззрѣніями и его отношеніемъ къ вопросамъ вѣры.

Недальновидные читатели юношескихъ произведеній Пушкина, писанныхъ «въ часы забавъ иль праздной скуки», въ которыхъ, по его собственнымъ словамъ, «пѣлись порочныя забавы и славились сѣти сладострастья», создали ему довольно прочно утвердившуюся репутацію не только эротическаго поэта, но и язвительнаго отрицателя вѣры. Имъ помогли въ этомъ нѣкоторые высокодобродѣтельные друзья молодого поэта, чей «предательскій привѣтъ» преслѣдовалъ его за гробомъ, въ забвеніи его словъ, что «судить взрослаго человѣка за вину юноши есть дѣло ужасное». Одинъ изъ нихъ, (X) чью умѣренность и аккуратность, при воспоминаніяхъ объ угасшемъ уже поэтѣ, непріятно поражало отсутствіе у него не только «ровной систематической бесѣды», но даже и «порядочнаго фрака» провозгласилъ, что Пушкинъ не имѣлъ «ни *внѣшней*, ни *внутренней* религіи и смѣялся надъ всѣми отношеніями». Но въ этомъ представленіи о Пушкинѣ и въ вытекающихъ изъ него непродуманныхъ или лицемѣрныхъ упрекахъ — нѣтъ правды. Необходимо глубже всмотрѣться въ эту сторону личности Пушкина и судить человѣка и писателя не по случайнымъ проявленіямъ, а по кореннымъ свойствамъ его природы. Безпорядочное домашнее воспитаніе въ довольно безалаберной семьѣ дало отроку раннюю возможность отравиться дурманомъ фривольныхъ произведеній французской литературы XVIII вѣка. Отголоскомъ этого было появленіе трехъ-четырехъ подражательныхъ произведеній. Все остальное въ этомъ легкомысленномъ родѣ лживо и безъ всякой критики писалось въ пассивъ поэзіи Пушкина. Да и эти немногія произведенія мутили его совѣсть, заставляли краснѣть за себя, негодуя «на *грѣшный* свой языкъ — и празднословный и лукавый», и сжигать попадавшіеся ему ихъ рукописные списки.

от барона М. А. Корфа.

Какъ всякая сильная натура, онъ не могъ не пройти періода *скитанія мысли*, прежде чѣмъ остановиться на болѣе или менѣе прочномъ міросозерцаніи. Написанное Пушкинымъ восемнадцати лѣтъ отъ роду «Безвѣріе» содержитъ въ себѣ явныя указанія тѣхъ мучительныхъ сомнѣній, которыя переживалъ онъ въ это время. Всѣ симпатіи его уже на сторонѣ вѣры; онъ желалъ бы, «забывъ о разумѣ и немощномъ, и строгомъ, съ одной лишь вѣрою повергнуться предъ Богомъ», но, самъ еще не вѣруя вполнѣ и колеблясь, онъ уже понимаетъ, что не слово осужденія, а слово состраданія надо обращать къ «слѣпому мудрецу», въ которомъ «умъ ищетъ божества, а сердце не находитъ»... При томъ человѣкъ съ прозаическою натурой легче и скорѣе становится законченнымъ, цѣлымъ, чѣмъ имѣющій задатки геніальности. Истинное религіозное чувство есть прежде всего результатъ личныхъ житейскихъ испытаній. Только выдержавъ и переживъ ихъ, оно можетъ считаться прочнымъ. Переломъ боровшихся сомнѣній въ сторону вѣры совершился у Пушкина на двадцать второмъ году жизни. Съ «измученной души его» исчезли заблужденья, подобно тому, какъ «краски чуждыя, съ лѣтами, спадаютъ ветхой чешуей». Съ этого времени мы видимъ у него уже вполнѣ сложившійся взглядъ, которому онъ остался вѣренъ до конца. Въ душѣ его блеститъ немеркнущимъ свѣтомъ не только вѣра въ Высшій Разумъ, управляющій вселенною, но и, употребляя выраженіе Лермонтова, «вѣра гордая въ людей и въ жизнь иную», то-есть, въ возвышенныя стороны человѣческаго духа и въ его безсмертіе. «Чистый аѳеизмъ», указаніе на уроки котораго въ перехваченномъ письмѣ сопровождались для него тяжелою и рѣшительною карою, никогда не овладѣвалъ имъ: онъ претилъ его уму и сердцу. «Ты—*сердцу* непонятный мракъ, пріютъ отчаянья слѣпого, *ничтожество*, пустой призракъ, не жажду твоего покрова» — восклицаетъ онъ, прибавляя: «ты чуждо мысли человѣка, тебя страшится гордый *умъ*». Онъ говорилъ Хомякову, что вопросы вѣры *превосходятъ* разумъ, но не *противорѣчатъ* ему, и много думалъ

о нихъ. «Я нашелъ Бога въ своей совѣсти и въ природѣ, которая говорила мнѣ о Немъ», объяснялъ онъ А. И. Тургеневу, сходясь въ этомъ съ Кантомъ, котораго, конечно, не читалъ, когда въ садахъ Лицея «читалъ охотно Апулея». Если человѣкъ нападаетъ на идею о Богѣ и находитъ Его въ душѣ своей — значитъ Онъ существуетъ, — развивалъ онъ свой взглядъ въ бесѣдахъ у Смирновой; нельзя найти то, чего нѣтъ, и самая сильная фантазія отправляется все таки отъ существующихъ формъ. Поэтому онъ подсмѣивался надъ упорными усиліями обширной аргументаціи отрицателей существованія Бога: «Къ чему такія старанія, если Его дѣйствительно нѣтъ?» спрашивалъ онъ.

Къ Библіи и къ Евангелію Пушкинъ относился съ величайшимъ интересомъ. Онъ увлекался ими и глубоко вдумывался въ ихъ содержаніе. Рекомендуя сыну своего друга Вяземскаго пристально и постоянно читать книги Священнаго Писанія, Пушкинъ называлъ ихъ «ключомъ живой воды». Въ разговорахъ съ Барантомъ, восторженно отзываясь о Библіи и въ особенности о Евангеліи, онъ, по поводу стремленій подвести смыслъ святой и вѣчной книги подъ мѣрило временныхъ человѣческихъ различій и направленій, сказалъ: «Мы всѣ несемъ бремя нашей жизни, иго нашей человѣчности, столь подверженной заблужденію — и это иго уравниваетъ все; Христосъ велитъ взять Его иго и бремя, которое поможетъ намъ донести наше собственное до конца, если мы будемъ помогать ближнему поднять и нести иго, подъ которымъ онъ изнемогаетъ. Здѣсь нѣтъ мѣста ни для аристократіи, ни для демократіи. Весь законъ въ нѣсколькихъ словахъ. Здѣсь только одна, единственная великая сила — Любовь!». Такимъ образомъ, онъ былъ не только вѣрующимъ, но и христіаниномъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Религіозность его проявлялась не только въ удивительныхъ по формѣ и силѣ отдѣльныхъ стихахъ и цѣлыхъ произведеніяхъ, какъ, напримѣръ, переложеніе молитвы св. Ефрема Сирина («Отцы-пустынники и жены непорочны»), не только въ воплощеніи могучей вѣры Кочубея, не поколебленной и его горькимъ концомъ, но и въ фор-

махъ, освященныхъ народнымъ чувствомъ. Въ тоскѣ своего принудительнаго уединенія въ Михайловскомъ онъ вызывалъ предъ умственнымъ взоромъ образы тѣхъ, кого Господь надѣлилъ высокимъ даромъ и возвысилъ душою надъ людьми. Онъ молился о нихъ и служилъ панихиды о рабахъ Божіихъ Петрѣ и Георгіѣ. Этотъ Петръ былъ тотъ «вѣчный работникъ на тронѣ», котораго онъ воспѣлъ съ такою силой, понялъ съ такою любовію; этотъ Георгій былъ «властитель думъ» — лордъ Байронъ.

Пушкинъ придавалъ огромное значеніе христіанству. Онъ считалъ его появленіе великимъ духовнымъ и политическимъ переворотомъ нашей планеты. Въ этой священной стихіи, говорилъ онъ, исчезъ и обновился міръ, — древняя исторія кончилась съ ея появленіемъ. Исторія внѣшняго выраженія христіанства — церкви, ея положеніе и задачи очень интересовали Пушкина. Онъ высказывалъ весьма оригинальные взгляды на дѣятельность Екатерины, осуждая ее за явное гоненіе духовенства, повлекшее за собою униженіе его. Властолюбиво угождая духу времени, лишивъ духовенство независимаго состоянія и ограничивъ монастырскіе доходы, она нанесла, по его мнѣнію, ударъ народному просвѣщенію, ибо исторію, а слѣдовательно и просвѣщеніе, намъ сохранили монахи. Признавая одною изъ важнѣйшихъ задачъ церкви проповѣдь ученія Христова, Пушкинъ видѣлъ въ послѣдней и одно изъ средствъ умиротворенія завоевываемаго нами въ то время Кавказа. Говоря, въ своемъ «Путешествіи въ Арзрумъ», объ укрощеніи ненависти къ намъ черкесовъ — посредствомъ ихъ обезоруженія или привитія къ нимъ роскоши—онъ замѣчаетъ, что есть, однако, средство болѣе сильное, болѣе нравственное, болѣе сообразное съ просвѣщеніемъ нашего вѣка — проповѣданіе Евангелія, о чемъ Россія до половины тридцатыхъ годовъ и не подумала. Онъ ставитъ очень высоко миссіонерство. «Надо препоясаться и идти съ миромъ и крестомъ» восклицаетъ онъ и рисуетъ примѣры святыхъ старцевъ, мужей вѣры и смиренія, скитающихся по пустынямъ въ рубищахъ, часто безъ обуви, крова и пищи, но оживленныхъ теп-

лымъ усердіемъ. «Какая награда ожидаетъ ихъ?» спрашиваетъ онъ: «обращеніе престарѣлаго рыбака, или странствующаго семейства дикихъ, или мальчика, а затѣмъ нужда, голодъ, мученическая смерть». «Кажется», заключаетъ онъ, «для нашей холодной лѣности легче, въ замѣнъ живого слова, выливать мертвыя буквы и посылать нѣмыя книги людямъ, не знающимъ грамоты, чѣмъ подвергаться трудамъ и опасностямъ, по примѣру древнихъ апостоловъ и новѣйшихъ римско-католическихъ миссіонеровъ». Придавая высокое значеніе миссіонерству, Пушкинъ не скрывалъ, однако, отъ себя, во что на практикѣ можетъ выродиться миссіонерство, идущее съ проповѣдью христіанства, но безъ христіанскаго духа любви и терпѣнія. «Терпимость вещь очень хорошая», писалъ онъ, «но развѣ апостольство съ ней несовмѣстно?». Указывая на необходимость идти съ *міромъ*, онъ клеймилъ мрачный образъ своеобразно-знаменитаго Юрьевскаго архимандрита Фотія за то, что ему служили «орудіемъ духовнымъ — проклятье, мечъ, и крестъ, и кнутъ...» Въ своихъ чудныхъ подражаніяхъ корану онъ говоритъ: «спокойно возвѣщай коранъ, не понуждая нечестивыхъ»...

Сознательная вѣра — а таковая несомнѣнно жила въ душѣ Пушкина — проникаетъ невидимо существо человѣка и отражается на отношеніяхъ его къ людямъ. Она, по глубокой мысли Хомякова, является и однимъ изъ высшихъ общественныхъ началъ, ибо само общество есть ничто иное, какъ видимое проявленіе нашихъ внутреннихъ отношеній къ другимъ людямъ и нашего союза съ ними. Поэтому вѣрованія Пушкина и его взглядъ на смыслъ евангельскаго ученія должны были неминуемо выразиться въ отношеніяхъ его къ людямъ и въ требованіяхъ, предъявляемыхъ къ нимъ и къ самому себѣ. Въ душѣ его не было мѣста не только для грубаго себялюбія, приносящаго по мѣрѣ силъ въ жертву своимъ вождѣленіямъ все, что возможно, не брезгая никакимъ результатомъ, но и для болѣе утонченнаго эгоизма, создающаго привычку всегда и при всякихъ впечатлѣніяхъ прежде всего думать исключи-

тельно о самомъ себѣ. Тургеневъ, въ своихъ «Стихотвореніяхъ въ прозѣ», оставилъ намъ образъ эгоиста, вооруженнаго самодовольствомъ легко доставшейся добродѣтели, которая «хуже откровеннаго безобразія игрока». Отталкивающія черты этого образа вѣютъ такимъ холодомъ, что убиваютъ возможность насмѣшки. Создавая его, художникъ слѣдовалъ мысли своего великаго учителя Пушкина, который характеризовалъ эгоизмъ, какъ явленіе, часто *отвратительное*, но отнюдь не *смѣшное*, ибо онъ «отмѣнно благоразуменъ». Это послѣднее свойство требуетъ извѣстной сдержанности и самообладанія. Когда ихъ нѣтъ — эгоизмъ утрачиваетъ свою неуязвимость для смѣха. «Есть люди», говоритъ Пушкинъ, «которые любятъ себя съ такою нѣжностью, удивляются своему генію съ такимъ восторгомъ, думаютъ о своемъ благосостояніи съ такимъ умиленіемъ, о своихъ неудовольствіяхъ съ такимъ состраданіемъ, что въ нихъ и эгоизмъ имѣетъ всю смѣшную сторону энтузіазма и чувствительности». Проповѣдь благороднаго альтруизма и нравственной обязательности въ отношеніяхъ съ окружающими думать о «другихъ», о ихъ страданіяхъ и человѣческомъ достоинствѣ, внятно и опредѣленно слышится въ произведеніяхъ Пушкина, возмущеннаго высокомѣрнымъ взглядомъ на людей, которыхъ «мы почитаемъ лишь нулями, а единицами — себя». Жестокосердное «seid hart!» Заратустры не нашло бы отклика въ поэтѣ, исполненномъ восхищенія предъ свершеннымъ долгомъ, предъ подвигомъ, предъ забвеніемъ себя ради другихъ. Сурово относясь къ Наполеону и примиренный съ нимъ лишь смертью, Пушкинъ, тѣмъ не менѣе, съ восторгомъ говоритъ о немъ, когда тотъ, чтобъ оживить угасшій взоръ и родить бодрость въ погибающемъ умѣ, «играетъ жизнію своею предъ сумрачнымъ недугомъ и хладно руку жметъ чумѣ». Въ противоположеніи долга эгоизму состоитъ и смыслъ заключительныхъ строкъ знаменитой его поэмы, гдѣ долгъ олицетворенъ глубокою внутреннею жертвою Татьяны, называемой Пушкинымъ своимъ «вѣрнымъ идеаломъ», а представителемъ эгоизма является Онѣгинъ «съ его безнравственной душой, себя-

любивою, сухой, съ его озлобленнымъ умомъ, кипящимъ въ дѣйствіи пустомъ».

Этотъ взглядъ на отношеніе къ людямъ отражается на всей личности Пушкина. Она дышетъ добротою и дѣятельною любовью. Голосъ «кроткой жалости» слышится не только на страницахъ его произведеній, но и въ порывахъ его сердца, дѣлающихъ его вѣчнымъ заступникомъ за нуждающихся, за несчастныхъ. Гоголь оцѣнилъ въ немъ эту черту и разсказываетъ, что Пушкинъ искалъ случаевъ быть кому-либо полезнымъ и пользовался каждой минутою благоволенія къ себѣ императора Николая, чтобы заикнуться — и никогда о себѣ, а всегда о другомъ, несчастномъ, упадшемъ. Онъ самъ, однако, бывалъ несчастенъ и часто нуждался въ облегченіи своихъ житейскихъ и духовныхъ узъ. Намекъ на свое положеніе былъ бы естественъ и понятенъ, но Пушкинъ хватался за указываемые Гоголемъ благопріятные случаи исключительно съ мыслью о *другихъ*, какъ бы тяжело и оскорбительно ни жилось въ это время ему самому. «Какъ весь оживлялся и вспыхивалъ онъ», пишетъ Гоголь Жуковскому, — «когда дѣло шло къ тому, чтобы облегчить участь какого-либо изгнанника или подать руку падшему».

Можно привести множество примѣровъ его доброжелательныхъ хлопотъ и въ случаяхъ менѣе важныхъ Такъ, напримѣръ, вынужденный принести повинную въ томъ, что былъ на балу французскаго посольства не въ мундирѣ, а во фракѣ, онъ заставляетъ умолкнуть свое законное самолюбіе, надмѣнно уязвляемое Бенкендорфомъ, чтобы, при этомъ случаѣ, стать просителемъ и ходатайствовать предъ «своимъ Катономъ» о пенсіи для вдовы генерала Раевскаго; такъ, онъ проситъ Бенкендорфа о дозволеніи занятій въ государственныхъ архивахъ Погодину, не оберегая завистливо и жадно доступа къ открытымъ ему одному историческимъ сокровищамъ, какъ сдѣлали бы многіе на его мѣстѣ. Онъ хлопочетъ предъ Академіею Наукъ объ изданіи, въ пользу семейства убитаго писателя Шишкова, сочиненій послѣдняго; пишетъ князю Вяземскому, прося его *пожарче* похло-

нотать о денежномъ пособіи молодому ученому и поручаетъ брату Льву, самъ находясь въ принудительномъ уединеніи села Михайловскаго и въ крайне стѣсненномъ денежномъ положеніи, подписаться на нѣсколько экземпляровъ издаваемаго по подпискѣ *слѣпымъ священникомъ* перевода книги Іисуса сына Сирахова... Когда Нева, «какъ звѣрь остервенясь, на городъ кинулась», и «вспылъ Петрополь, какъ тритонъ, по поясъ въ воду погруженъ», — Пушкинъ пишетъ брату: «Этотъ потопъ съ ума у меня нейдетъ. Онъ вовсе не забавенъ. Если тебѣ вздумается помочь какому-нибудь несчастному, помогай изъ *Онѣгинскихъ* денегъ, но прошу — безъ всякаго шума, ни словеснаго, ни письменнаго».

Строгій и нелицепріятный литературный цѣнитель и судья, требовавшій отъ писателя серьезнаго и вдумчиваго отношенія къ предмету своего творчества, Пушкинъ былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, чуждъ мелочнаго чувства ревности къ успѣху собратій по перу и недоброжелательнаго къ нему отношенія. «Умѣя презирать, умѣлъ онъ ненавидѣть», но *завидовать* — не умѣлъ. Достаточно указать на его отношеніи къ Мицкевичу, на то, съ какою искренею радостью привѣтствовалъ онъ произведеніи Боратынскаго, какъ горячо защищалъ ихъ отъ равнодушія и нападокъ рутинной критики, въ теплыхъ выраженіяхъ отводя автору одно изъ первыхъ мѣстъ въ современной ему литературѣ, на ряду съ Жуковскимъ и выше Батюшкова. «Свои права передаю тебѣ съ поклономъ, чтобъ на *волшебные напѣвы* переложилъ ты страстной дѣвы иноплеменныя слова», провозглашаетъ онъ, обращаясь къ «первому русскому элегическому поэту», чей каждый стихъ «звучитъ и блещетъ, какъ червонецъ», и болѣе котораго никто не «имѣетъ чувства въ своихъ мысляхъ и вкуса въ своихъ чувствахъ». Даже и по отношенію къ людямъ, которыхъ онъ имѣлъ основанія не считать своими сторонниками, умѣлъ онъ относиться справедливо. Достаточно указать на благородную защиту имъ въ 1830 году Полевого противъ «непростительнаго отношенія» къ нему Погодина и «изступленной брани» Каченовскаго по поводу «Исторіи русскаго народа».

Пушкинъ придавалъ особое значеніе дружбѣ, понималъ ее серьезно и вѣрилъ ей искренно. Онъ отличалъ эту, по выраженію Шербюлье, «любовь безъ крыльевъ» отъ тѣхъ отношеній, которыя возникаютъ въ «легкомъ пылу похмѣлья», среди обмѣна тщеславія и бездѣлья и, прикрываясь названіемъ дружбы, выражаются лишь въ фамильярности, безцеремонномъ залѣзаніи въ чужую душу или въ «позорѣ покровительства». Та дружба, представленіе о которой разсыпано во множествѣ его произведеній, есть стойкое, неизмѣнное, самоотверженное чувство, «недремлющей рукою» поддерживающее друга «въ минуту гибели надъ бездной потаенной», оживляющее его душу «совѣтомъ или укоромъ», врачующее его раны и способное разбить «сосудъ клеветника презрѣнный». Этому представленію былъ онъ вѣренъ и въ жизни. Достаточно указать на его трогательныя обращенія къ Чаадаеву, къ Пущину. Проявленія дружеской пріязни его глубоко трогали и оставляли неизгладимый слѣдъ въ его душѣ. «Мой первый другъ, мой другъ безцѣнный», пишетъ онъ въ Сибирь благороднѣйшему И. И. Пущину, посѣтившему «его пріютъ опальный» въ Михайловскомъ; «какъ жаль, что нѣтъ теперь Пущина!» говоритъ онъ на смертномъ своемъ одрѣ. Въ минуты житейскихъ горестей, чуждый малѣйшей зависти, Пушкинъ умѣлъ утѣшаться «наслажденіемъ слезъ и счастіемъ друзей» и не отрекался отъ нихъ никогда и ни предъ кѣмъ, твердо и безбоязненно проявляя свое къ нимъ отношеніе, несмотря на то, что его привѣтамъ приходилось летѣть «во глубину Сибирскихъ рудъ» и въ «мрачныя пропасти земли».

Если эти далекіе друзья и сберегли въ свое время для Россіи Пушкина, заботливо и предусмотрительно не пріобщивъ его къ своимъ планамъ, — за то между окружавшими его нашлись платившіе обидой за жаръ его души «довѣрчивой и нѣжной». Ихъ «предательскій привѣтъ» глубоко уязвлялъ его впечатлительное сердце. Онъ могъ повторить слова Саади въ «Гюлистанѣ»: «врагъ бросилъ въ меня камнемъ — и я не огорчился; другъ бросилъ цвѣткомъ — и мнѣ стало больно». Рядомъ такихъ

скрытыхъ обидъ и злоупотребленій «святою дружбы властью» очевидно вызваны и выстраданные звуки негодованія въ его «Коварности», когда ему довелось «своимъ печальнымъ взоромъ прочесть все тайное въ нѣмой душѣ» того, кого онъ считалъ другомъ, и осудить его «послѣднимъ приговоромъ!»

Таково отношеніе Пушкина къ людямъ. Посмотримъ на нравственныя требованія, которыя предъявлялъ онъ къ *самому себѣ*. Эти требованія опредѣляются тѣмъ, *что* признаетъ человѣкъ необходимымъ для сохраненія въ себѣ самоуваженія. Чуткою душой своею Пушкинъ не могъ не сознавать, что лишь упорный и серьезный трудъ и полная правдивость съ собою и съ другими могутъ поддержать въ человѣкѣ самоуваженіе и защитить его отъ сокровеннаго самопрезрѣнія въ тѣ минуты, когда онъ не развлеченъ мелочною пестротою обыденной жизни. Любовью къ труду была проникнута вся его жизнь. Ему, «*взыскательному* художнику», съ теплымъ чувствомъ вспоминается «живой и *постоянный*, хоть малый трудъ», «молчаливый спутникъ ночи, другъ Авроры златой». Онъ ощущалъ *обязанность* трудиться и жадно ждалъ любимаго осенняго уединенія, когда могъ приняться съ обновленными силами за плодотворную работу. Недаромъ въ «шорохѣ ночи» слышится ему «укоризна или ропотъ имъ утраченнаго дня», недаромъ съ горечью вспоминаетъ онъ «растраченные годы», и его тревожитъ «призракъ невозвратимыхъ дней» въ то время, когда «судьбой отсчитанные дни» особенно дороги, чтобъ «мыслить и страдать» и, слѣдовательно, работать умственно. Отсюда многочисленныя поправки въ его рукописяхъ и варіанты его стиховъ, отсюда настойчивая работа надъ языкомъ, надъ тѣмъ, чтобы сдѣлать его гибкимъ, какъ сталь и сладкимъ, какъ сахарный тростникъ. Аллахъ говоритъ его «пророку»: «Не я ль языкъ твой одарилъ могучей властью надъ умами?» Для этой власти нужна, однако, не одна форма, но и содержаніе, продуманное, вылившееся изъ души и заключающее въ скупости словъ богатство мысли. Это содержаніе въ поэтическомъ произведеніи тогда лишь сильно и глубоко, когда оно явилось плодомъ

вдохновенія. Пушкинъ самъ указалъ разницу между вдохновеніемъ и восторгомъ, объясняя первое — одухотворенною работою, а второе — мимолетнымъ порывомъ.

И любовь къ правдѣ царитъ въ его трудѣ; къ той высшей правдѣ, которая ищетъ и рисуетъ идеалъ дѣйствій человѣка, а не къ той низшей, которая изображаетъ все въ предѣлахъ факта, не подымая взора «горѣ» и праздно угождая хладной посредственности, завистливой и жадной къ соблазну. Признавая обычнымъ явленіемъ связь геніальности съ простодушіемъ и величія характера съ откровенностью, Пушкинъ самъ являлъ примѣръ ихъ, слѣдуя совѣту изъ своего «Подражанія корану»: «Мужайся! презирай обманъ, стезею правды бодро слѣдуй!» Ложь была ему ненавистна до забвенія собственной опасности. Смѣлое указаніе имъ генералъ-губернатору Милорадовичу того, какія именно изъ ходящихъ въ рукописи «недозволительныхъ стихотвореній» принадлежатъ ему, остроумное замѣчаніе на запросъ Бенкендорфа о томъ, не Уваровъ ли имѣется въ виду въ «Выздоровленіи Лукулла» и, наконецъ, прямодушный отвѣтъ императору Николаю, въ 1826 году, въ Москвѣ, на вопросъ о томъ, участвовалъ ли бы онъ въ происшествіи 14 декабря — служатъ одними изъ многихъ примѣровъ его безусловной и безтрепетной правдивости.

Эта любовь къ правдѣ и искренности заставляла его цѣнить цѣльныхъ людей, даже и не соглашаясь со всѣми ихъ взглядами, но уважая ихъ прямоту и отсутствіе въ нихъ двоедушія. Онъ не разъ ссылался, въ бесѣдахъ, на то мѣсто откровенія св. Іоанна, гдѣ ангелу Лаодикійской церкви говорится: «знаю дѣла твои: ты ни холоденъ, ни горячъ; о, если бы ты былъ холоденъ или горячъ! но поелику ты только теплъ, — извергну тебя изъ устъ Моихъ». Наравнѣ съ цѣльными людьми цѣнилъ онъ и цѣльныя чувства, которымъ человѣкъ отдается безъ разсчетливой оглядки. Все показное въ этомъ отношеніи, какъ видно изъ его писемъ, его возмущало, всякая огласка добраго дѣла ему претила. «Торгуя совѣстью предъ блѣдной нищетой, не сыпь своихъ

даровъ расчетливой рукой», совѣтуетъ онъ. У него была отмѣченная еще княземъ Вяземскимъ ненависть къ поддѣльной наукѣ и къ лицемѣрной нравственности. Въ запискѣ о воспитаніи, представленной государю въ 1826 году, онъ возстаетъ противъ преподаванія фальсифицированной исторіи, и, вѣрный своей правдивости, — въ то время, когда воспитанникамъ принято было сообщать, что Наполеонъ былъ просто возмутившійся противъ короля предпріимчивый генералъ, — указываетъ на необходимость объяснять «разницу духа народовъ, источника нуждъ и требованій государственныхъ» и дѣлать правильную оцѣнку историческимъ дѣятелямъ, безъ предначертаннаго на нихъ взгляда. Историческіе взгляды и труды Пушкина проникнуты стремленіемъ къ отысканію правды и, въ виду крайне слабаго развитія современной ему русской исторической науки, представляютъ нерѣдко яркіе образчики своего рода ретроспективной интуиціи, благодаря которой Пушкинъ опредѣлялъ дѣятелей, событія и эпохи далекаго прошлаго съ вѣрностью и глубиною, возможными лишь для тѣхъ, кто основательно знакомъ съ матеріаломъ, всесторонне разработаннымъ въ теченіе полувѣка со времени его смерти. Это стремленіе къ правдѣ не давало внѣшнему блеску затемнить въ глазахъ Пушкина истину и въ то же время не допускало его, забывая про культурныя условія — духовныя и матеріальныя — среди которыхъ приходилось жить и творить историческимъ дѣятелямъ, — впадать въ забвеніе про нравы и обычаи времени, столь часто заставлявшее у насъ дилетантовъ-историковъ неправильно освѣщать, а затѣмъ и оцѣнивать тотъ или другой историческій образъ. Изслѣдованія Соловьева и Павлова о Борисѣ Годуновѣ, всѣ главнѣйшіе труды о Петрѣ Великомъ, почти всѣ богатые выводы нашей историко-литературной критики явились послѣ Пушкина, а между тѣмъ сколь многое изъ *доказаннаго* и *установленнаго* ими *прочувствовано* Пушкинымъ и облечено въ дивные художественные образы и опредѣленія! Какъ тонки его замѣчанія объ отношеніи къ ученію энциклопедистовъ Екатерины II, ободрявшей сначала эти «игры искус-

ныхъ борцовъ» своимъ рукоплесканіемъ и съ безпокойствомъ увидѣвшей ихъ торжество въ жизни; какъ содержательна въ своей сжатости внутренняя картина Александровской Руси въ «Дубровскомъ»; какъ справедливы, въ записанномъ Смирновою разговорѣ, сравнительная оцѣнка Петра и Екатерины и указанія на національныя ошибки послѣдней и лицемѣріе ея знаменитаго «Наказа»... Красивыя декораціи царствованія Екатерины не вводили Пушкина въ заблужденіе о томъ, что̀ за ними скрывалось. Его всецѣло привлекала къ себѣ та житейская и историческая правда, которою дышетъ личность Петра. «Онъ одинъ цѣлая всемірная исторія»,—пишетъ Пушкинъ Чаадаеву. Памятникъ Петра — современная Россія, которая «вошла въ Европу, какъ спущенный корабль»,—говоритъ онъ, указывая на безповоротность реформы Петра и рисуя его самого такъ, что онъ встаетъ предъ нами, какъ живой, среди своихъ священныхъ трудовъ и заботъ. Мы видимъ его дома, на верфи, въ бою, на пиру. Образныя и глубоко продуманныя выраженія Пушкина, его удивительныя по богатству мысли прилагательныя, изображаютъ намъ въ незабвенныхъ чертахъ нравственный складъ, наружность и великія думы «славнаго кормчаго, кѣмъ наша *двинулась* земля».

Но Пушкинъ не ослѣплялся чувствомъ привязанности къ Петру и къ Россіи. Горячая любовь къ Россіи и вѣра въ нее были у него неразлучны съ чувствомъ правды, которое не позволяло ему закрывать глаза на ея недостатки и на чужія достоинства. Онъ желалъ видѣть родину сроднившеюся съ Западомъ во всемъ лучшемъ, но сохранившею самобытныя формы, заключающія все хорошее *свое*. Гнѣвныя подчасъ выраженія его писемъ, грустное восклицаніе при чтеніи Гоголемъ «Мертвыхъ душъ»: «не веселая штука Россія!» — только на предвзятый взглядъ могутъ идти въ разрѣзъ съ этою любовью и съ вѣрою въ «высокій жребій» русскаго народа. Недостатки любимаго существа всегда вызываютъ болѣе острые взрывы душевной боли, именно потому, что оно любимое и что его хочется ви-

дѣть лучше и выше всѣхъ. Гордясь скромностью русскаго человѣка и величіемъ всего, что совершено имъ по почину Петра, Пушкинъ тѣмъ не менѣе преклонялся предъ достоинствами общечеловѣческими. Ему былъ чуждъ узкій патріотизмъ, враждебно, надменно или косо смотрящій на все иноземное. Указывая на терпимость къ чужому, какъ на одну изъ прекрасныхъ сторонъ простого русскаго человѣка, онъ говорилъ о необходимости уваженія къ *человѣчеству* и къ его благороднымъ стремленіямъ. «Недостаточно имѣть только мѣстныя чувства», — говорилъ онъ Хомякову: «есть мысли и чувства всеобщія, всемірныя»... Правдою, по мнѣнію Пушкина, должна быть проникнута не одна личная, но и вся государственная дѣятельность правителя. Въ правдѣ — великая притягательная сила, въ ней же и вѣрный критерій. Умѣнье понимать это составляетъ одно изъ свойствъ истиннаго великаго историческаго дѣятеля. Недаромъ Петръ «правдою привлекъ къ себѣ сердца» и, благодаря умѣнью цѣнить ее, «былъ отъ буйнаго стрѣльца предъ нимъ отличенъ Долгорукій».... Но уравновѣшенность душевныхъ силъ и воспріимчивое чувство живой дѣйствительности заставляли Пушкина видѣть стимулъ для исканій правды въ чувствѣ любви. Поэтому онъ не считалъ возможнымъ найти эту правду въ крайностяхъ. Ея одинаково нѣтъ ни въ вѣнкахъ льстецовъ, ни въ безусловныхъ отрицаніяхъ. «Нѣтъ убѣдительности» — пишетъ онъ — «въ поношеніяхъ, и нѣтъ истины тамъ, гдѣ нѣтъ любви».

Предъявляя къ себѣ такія требованія, Пушкинъ высоко ставилъ свое призваніе и умѣлъ отдѣлять его задачи отъ неизбѣжныхъ условій своей личной жизни и отъ роковыхъ даровъ природы, называемыхъ страстями. «Малодушное погруженіе» въ заботы «суетнаго свѣта» не заглушало для него «божественнаго глагола»; онъ отряхалъ ихъ съ себя подъ дуновеніемъ вдохновенія, но онъ все-таки былъ потомокъ — и близкій — того, кто «думалъ въ охлажденны лѣты о знойной Африкѣ своей». Этотъ зной жилъ въ его крови, давалъ себя чувствовать въ обыденные часы жизни и въ молодости, въ видѣ «алчнаго

грѣха», гнался за нимъ по пятамъ. Но и тогда онъ не утопалъ, самоуслаждаясь въ этомъ грѣхѣ, а «бѣжалъ къ Сіонскимъ высотамъ», никогда не теряя ихъ изъ виду, не забывая о ихъ существованіи. Вѣрный народнымъ русскимъ свойствамъ, онъ относился къ себѣ, какъ къ человѣку, отрицательно и даже съ преувеличеннымъ самоосужденіемъ. «Презирать судъ людской нетрудно», пишетъ онъ, «презирать судъ собственный невозможно». Поэтому отношеніе его къ прошлому было иное, чѣмъ у большинства людей его общественнаго положенія. Въ годы наступавшаго успокоенія страстей онъ не взиралъ съ втайнѣ завидующимъ снисхожденіемъ на увлеченія своихъ юныхъ дней: карая себя за нихъ, онъ будилъ и вызывалъ тяжелыя воспоминанія, отравляя ими «видѣнья первоначальныхъ, чистыхъ дней». Рыдающіе звуки его «Воспоминанія», когда онъ съ отвращеніемъ читаетъ жизнь свою, но и слезами не можетъ смыть «печальныхъ строкъ», служатъ лучшимъ тому доказательствомъ. Но, безпощадно бичуя себя, онъ, однако, строго и смѣло отдѣлялъ свою личность отъ своего призванія. «Воронцовъ думаетъ, что я коллежскій секретарь», пишетъ онъ, «но я полагаю о себѣ нѣчто большее...». Это большее состояло въ призваніи быть пророкомъ будущаго Россіи, «глаголомъ жечь сердца людей» и ударять по нимъ «съ невѣдомою силой». Онъ сознавалъ ту роль, которую ему слѣдуетъ играть въ духовномъ развитіи родины, въ подготовкѣ ея свѣтлаго нравственнаго будущаго, въ которое онъ вѣрилъ горячо, подобно Петру «*зная* предназначенье родной страны». Когда изъ своего печальнаго уединенья онъ былъ въ 1826 г. вызванъ въ Москву, гдѣ ждало его невѣдомое и тревожное разрѣшеніе его судьбы, онъ не усомнился въ своемъ призваніи и взялъ съ собою стихи, начинавшіеся словами: «Возстань, возстань пророкъ Россіи, позорной ризой облекись!...» Отъ земной власти могли зависѣть многія существенныя условія его личной жизни и даже творчества, но не его «предназначенье». Онъ былъ, въ своихъ глазахъ, «Богомъ избранный пѣвецъ», который, для блага страны, не можетъ «молчать, потупя очи долу»...

Отношеніе Пушкина къ требованіямъ своей совѣсти и его раннее, вдумчивое проникновеніе въ сущность разумныхъ условій человѣческаго существованія, въ потребности сердца, въ права мысли опредѣлило и взглядъ его на главнѣйшія проявленія справедливости, какъ осуществленія общественной совѣсти, выражающіяся въ правосудіи и законодательствѣ. Уже двадцатилѣтнимъ юношею онъ выражаетъ опредѣленный, въ этомъ отношеніи, взглядъ, которому оставался затѣмъ вѣренъ во всю свою остальную жизнь. Восхищаясь уединеніемъ, онъ учится блаженство находить въ пстинѣ, «*свободною* душой *законъ боготворить*, ропотанью не внимать *толпы* не просвѣщенной и отвѣчать *участіемъ* застѣнчивой мольбѣ». Это цѣлая программа, тѣмъ болѣе замѣчательная, чѣмъ менѣе она подходила къ условіямъ, въ которыя тогда охотно укладывалась личная и общественная жизнь на Руси.

Движеніе законодательства и возбуждаемые при этомъ вопросы общественнаго характера чрезвычайно интересовали Пушкина. Его замѣтки и письма хранятъ несомнѣнныя доказательства глубины этого интереса. Въ нихъ содержится множество замѣчаній критическаго и догматическаго характера и указаній на бытовыя особенности, столь важныя для законодательства. Есть цѣлые опыты проектовъ той или другой мѣры, вызываемой общественными потребностями. Изъ нихъ видно, что, относясь къ подобнымъ вопросамъ съ живѣйшимъ вниманіемъ, Пушкинъ желалъ видѣть законъ примиреннымъ съ житейскою правдой и законною свободой, — желалъ видѣть человѣка не рабомъ непонятнаго ему принудительнаго приказа, а слугою разумныхъ требованій общежитія.

«Мысль — великое слово», говоритъ онъ; «что же и составляетъ величіе человѣка, какъ не мысль! Да будетъ же она свободна, какъ свободенъ человѣкъ: въ предѣлахъ закона, при полномъ соблюденіи условій, налагаемыхъ обществомъ». Эта свобода, построенная на уваженіи къ правамъ личности и на признаніи правъ организованной совокупности личностей—общества—есть

та «святая вольность», которую Пушкинъ противополагаетъ тому, что онъ называлъ «безумствомъ гибельной свободы». Рисуя себѣ идеалъ общественной жизни, «гдѣ твердо съ вольностью святой законовъ мощныхъ сочетанье», онъ именно въ этомъ сочетаніи видѣлъ необходимыя условія и залогъ спокойствія и дальнѣйшаго развитія общества. Несмотря на относительную близость французской революціи, картина которой въ представленіи большинства оставляла еще смутное и слитное впечатлѣніе, онъ, со свойственнымъ ему пониманіемъ исторической перспективы и умѣньемъ дать опредѣленіе въ двухъ словахъ, установлялъ, по отношенію къ политической свободѣ, глубокую разницу между «львинымъ ревомъ колоссальнаго Мирабо» и дѣйствіями «сентиментальнаго тигра — Робеспьера». Настоящая свобода не можетъ опираться на насиліе, — она «богиня чистая», и ея «цѣлебный сосудъ» не долженъ быть «завѣшанъ пеленой кровавой».

Мощный законъ долженъ являться покровителемъ слабыхъ, разумною уздою для тѣхъ, кто, подобно Алеко, «для себя лишь хочетъ воли», и выразителемъ пониманія прирожденныхъ правъ человѣческой души. Отсюда — требованіе *строгой обдуманности* и *человѣчности* закона. Пушкинъ указываетъ на необходимость спокойной обдуманности и отсутствія личныхъ настроеній законодавца въ законѣ. «Достойна удивленія», пишетъ онъ, «разность между государственными учрежденіями Петра Великаго и временными его указами. Первые есть плоды ума обширнаго, исполненнаго доброжелательства и мудрости; вторые жестоки и своенравны. Первые назначены для вѣчности или, по крайней мѣрѣ, для *будущаго*; вторые вырвались у нетерпѣнія и самовластія».

Требуя *человѣчности* въ законѣ, Пушкинъ уже въ ранней молодости умѣлъ проявить драгоцѣнное чувство истинной справедливости, — весьма нужное и для законодателя, и для судьи, — состоящее въ умѣньѣ поставить себя на мѣсто другого и понять его чувства въ томъ или другомъ положеніи. Его душу смущала отвлеченная отъ жизни, непреклонная жестокость нѣ-

которыхъ законовъ, поражающая неповинныхъ, «гнетущая природы голосъ нѣжный». Въ томъ возрастѣ, когда менѣе всего думаютъ объ участи дѣтей, являющихся слѣдствіемъ осуждаемыхъ закономъ связей, онъ былъ тронутъ ихъ злосчастною судьбою и съ удивительною для его лѣтъ глубиною описывалъ всѣ трагическіе моменты жизни ребенка, искупающаго «увлеченіе» родителей: его отчужденіе отъ всѣхъ, одиночество, томительныя, грустныя думы, проклятія судьбѣ, зависть къ тѣмъ, кто позналъ ласку матери, жестокіе упреки чужихъ людей и полное «неправедное и ужасное безправіе». Чуткая душа поэта намѣтила высокую цѣль законодателю, состоящую въ облегченіи судьбы тѣхъ, кто неповиненъ въ «страстяхъ» своихъ родителей. Судьба не послала ему радости увидѣть осуществленіе своихъ идей. Онъ не дожилъ до сдѣланныхъ въ этомъ отношеніи въ послѣднее десятилѣтіе нашимъ законодательствомъ человѣколюбивыхъ шаговъ. Дѣтство Пушкина прошло среди помѣщичьей обстановки, въ значительной мѣрѣ обусловленной крѣпостнымъ правомъ, составлявшимъ одну изъ основъ тогдашняго общественнаго строя. Но облагораживающее вліяніе Лицея, нравственная атмосфера, которою сталъ дышать Пушкинъ послѣ отцовскаго дома и вліяніе такихъ людей, какъ Энгельгардтъ и, въ особенности, Куницынъ, воспитавшій «пламень» своихъ учениковъ, «создавшій» ихъ и «возжегшій чистую лампаду» въ ихъ душѣ, сдѣлали свое дѣло. Благородныя сѣмена пали на благодарную почву. Вступивъ въ жизнь съ намѣреніемъ «отчизнѣ посвятить души высокіе порывы», Пушкинъ долженъ былъ неминуемо и болѣзненно столкнуться съ проявленіями владѣнія «душами», основанными на правѣ, закрѣпленномъ закономъ и поддерживаемомъ строгими карами. Въ «пріютъ спокойствія, трудовъ и вдохновенья», въ «пустынный уголокъ, на лоно счастья и забвенья», гдѣ отдыхалъ 20-лѣтній поэтъ, вторглись скорбные отголоски изъ другого, близкаго, окружающаго міра,— и поэтъ не поспѣшилъ уйти отъ нихъ, зажать себѣ уши и закрыть глаза! Его сердце, вѣрное любви къ людямъ, встрепену-

лось и, среди личнаго счастія, воспѣло «стихомъ пронзительно-унылымъ» несчастіе ближнихъ съ подавляющею силой.

Картина мрачныхъ сторонъ крѣпостного быта, нарисованная Пушкинымъ, такъ была полна, что ему нечего было къ ней болѣе потомъ добавить, хотя раскатовъ его негодованія хватило бы на долго. Судьба была жестока къ лучшимъ упованіямъ его. Употребляя его собственное выраженіе, можно сказать, что относительно многихъ улучшеній общественнаго быта, ему было дано «безкрылое желанье», такъ что онъ имѣлъ основаніе сказать, что въ груди его «горѣлъ безплодный жаръ». Онъ не дожилъ до страстно желанной минуты увидѣть «рабство, павшее по манію Царя», и не пережилъ со всѣми лучшими людьми земли русской великаго дня освобожденія крестьянъ, съ котораго его болѣе счастливый другъ, князь В. Ѳ. Одоевскій, предлагалъ начать считать въ Россіи новый годъ. А между тѣмъ освобожденіе крестьянъ было искреннимъ желаніемъ императора Николая. Онъ, въ разговорѣ съ Пушкинымъ, по пересказу Смирновой, упрекалъ Бориса Годунова за прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ и Лейбница за то, что, совѣщаясь съ Петромъ Великимъ, нѣмецкій ученый не указалъ ему на несправедливость крѣпостного права. Бюрократическая и законодательная рутина, опиравшаяся на упорную инерцію общества и на страхи, создаваемые «пугливымъ воображеніемъ», создавала препятствіе для рѣшительныхъ шаговъ Государя. Онъ, въ отношеніи крестьянскаго вопроса, не находилъ сочувствія себѣ и честной поддержки въ ближайшихъ исполнителяхъ своей воли. Даже такіе люди, какъ, напримѣръ, благородный Мордвиновъ, про котораго во многихъ отношеніяхъ можно было сказать: «сей старецъ дорогъ намъ»,—оправдывали продажу людей въ одиночку, какъ способъ, «коимъ рабъ отъ лютаго помѣщика можетъ случайно перейти къ болѣе человѣколюбивому господину». Подъ вліяніемъ всего этого ограничивались поверхностными мѣрами и единичными случаями, въ надеждѣ на личную доброту душевладѣльцевъ. На непригодность такихъ полумѣръ указывалъ Пушкинъ, то смѣясь

надъ наказомъ, основаннымъ на томъ, «чтобъ барской ягоды тайкомъ уста лукавыя не ѣли и пѣньемъ были заняты — затѣя сельской простоты» и надъ великодушною замѣной «ярма отъ барщины старинной оброкомъ легкимъ», — то говоря о несчастіи семейственной жизни народа, вслѣдствіе насильственныхъ браковъ, — то рисуя образъ филантропическаго мучителя, желавшаго пріучить крестьянъ ко всевозможнымъ страданіямъ, чтобы затѣмъ, постепенно, возвратить имъ собственность и даровать права. Вѣрный своему призванію и любви къ родинѣ, онъ изображалъ съ разныхъ сторонъ то недостойное состояніе, въ которомъ держало крѣпостное право большую часть русскаго народа, и возвѣщалъ о своей жаждѣ увидѣть этотъ народъ неугнетеннымъ и живущимъ подъ покровомъ просвѣщенной свободы. Онъ звалъ, онъ торопилъ наступленіе этого времени... Съ этимъ наступленіемъ у него были связаны свѣтлыя надежды. «Послѣ освобожденія крестьянъ у насъ будутъ гласные процессы, присяжные, бо́льшая свобода печати, реформы въ общественномъ воспитаніи и въ народныхъ школахъ», — говорилъ онъ Соболевскому. Крѣпостное право въ обыденной жизни опиралось на домашнюю, произвольную и часто ничѣмъ необузданную расправу. Свой взглядъ на «насильственную лозу» Пушкинъ выразилъ въ запискѣ о народномъ воспитаніи, поданной императору Николаю, гдѣ говорилось о необходимости уничтоженія тѣлесныхъ наказаній для внушенія воспитанникамъ заранѣе правилъ чести и человѣколюбія, чтобы слишкомъ жестокое воспитаніе не сдѣлало изъ нихъ впослѣдствіи палачей, а не начальниковъ.

Общественная жизнь колеблется преступленіями. Карающій законъ необходимъ, но очень важно, чтобы его удары не поражали человѣка напрасно, не стѣсняли его личную жизнь, покуда онъ не проявляетъ себя нарушеніями чужихъ правъ. Ясному уму Пушкина эта истина, туманная подчасъ и для нѣкоторыхъ законодателей, представлялась очевидною. «Законъ постигаетъ», говоритъ онъ, «однѣ преступленія, а не личную жизнь человѣка, оставляя пороки и слабости на совѣсть каждому» и

тѣмъ ставитъ точное опредѣленіе границъ карающаго закона. Придавая огромное значеніе голосу совѣсти въ человѣкѣ, Пушкинъ, какъ и Достоевскій, видѣлъ въ немъ первое и самое сильное выраженіе внутренняго наказанія, отъ котораго не могутъ защитить ни разсѣяніе, ни «шумъ потѣхи боевой», ни проническія «поговорки» не смотря на то, что «онѣ кажутся удивительно полезны», когда мы ничего не можемъ выдумать въ свое оправданіе». «Внутренняя тревога» замолкаетъ вообще не легко, и шумъ ея можетъ стать оглушающимъ, когда къ нему присоединяется голосъ совѣсти, этого «нежданнаго гостя, докучнаго собесѣдника, жаднаго заимодавца», этого «когтистаго звѣря, скребущаго сердце». Этотъ голосъ отравляетъ жизнь днемъ, населяетъ ужасами ночь. Пушкинскій Борисъ удивительно характеризуетъ внутреннее состояніе человѣка, въ которомъ совѣсть не чиста, такъ что «и радъ бѣжать — да некуда... ужасно!» — «Я не злодѣй», говоритъ Пушкинъ въ своемъ «Снѣ» — «съ волненьемъ и тоской не зрю во снѣ кровавыхъ привидѣній... и въ поздній часъ ужасный, блѣдный страхъ не хмурится угрюмо въ головахъ».

Изображая неподдающіяся опредѣленію закона *послѣдствія* преступленія, Пушкинъ вдумывался въ пути, которыми нерѣдко приводится человѣкъ къ злодѣянію, въ развитіе въ немъ преступной идеи до окончательной рѣшимости. Въ «Братьяхъ-разбойникахъ» прекрасно обрисовано происхожденіе преступленія. Сначала сиротство и одиночество, отсутствіе дѣтскихъ радостей, затѣмъ нужда, презрѣнье окружающихъ, зависти «жестокое мученье», наконецъ — забвенье робости и... «совѣсть отогнали прочь!» Но ее можно отогнать, а уничтожить нельзя. Она, «докучная», проснется въ тяжкій день, оживленный ею образъ жертвы станетъ неотступно предъ глазами,— и будетъ «дряхлый крикъ ея ужасенъ...» У Пушкина есть глубочайшія психологическія наблюденія относительно преступленія. Онъ отмѣчаетъ, напримѣръ, тѣ непостижимыя внутреннія противорѣчія захваченной губительною мыслью души, которыя такъ поражаютъ иногда юристовъ-практиковъ. Таковъ кузнецъ Архипъ, запираю-

щій людей въ поджигаемомъ домѣ, отвѣчающій на мольбы ихъ о спасеніи злобнымъ: «какъ не такъ!» и въ то же время съ опасностью жизни спасающій съ крыши пылающаго сарая котенка, чтобы не дать погибнуть Божьей твари. Онъ приводитъ указанія на болѣзненныя настроенія, въ которыхъ совершеніе преступнаго дѣла разрѣшаетъ умъ и сердце отъ сдавившей ихъ тяжести, вызывая собою ощущеніе облегченія и наслажденія. «Сердце мнѣ тѣснитъ какое то невѣдомое чувство», говоритъ Скупой Рыцарь, отпирая сундукъ въ своемъ подвалѣ вѣрномъ, и, какъ всегда, «впадая въ жаръ и трепетъ», и объясняетъ, что чувствуетъ то же, что, по увѣреніямъ медиковъ, чувствуютъ люди, «въ убійствѣ находящіе пріятность», когда вонзаютъ въ жертву ножъ: «пріятно и страшно вмѣстѣ». Сальери, увидѣвъ, что Моцартъ выпилъ стаканъ съ брошеннымъ въ него ядомъ, плачетъ и говоритъ: «эти слезы впервые лью; больно и пріятно: какъ будто ножъ цѣлебный мнѣ отсѣкъ страдавшій членъ».

Для возстановленія нарушеннаго права, для назначенія заслуженнаго наказанія нуженъ судъ, обязанный стремиться къ возможной правдѣ, на сколько она доступна на землѣ человѣку. И способы отысканія, и самое пониманіе этой правды различны въ зависимости отъ времени и отъ развитія общественной среды. Пушкинъ коротко, но мастерски набрасываетъ картины суда патріархальнаго и суда домашняго. «Оставь насъ, гордый человѣкъ! мы дики, нѣтъ у насъ законовъ, мы не терзаемъ, не казнимъ, не нужно крови намъ и стоновъ, но жить съ убійцей не хотимъ» — говоритъ Алеко старикъ-цыганъ послѣ убійства имъ жены и соперника. Иначе устроенъ судъ въ крѣпости Озерной. «Иванъ Игнатьичъ!» поручаетъ капитанша Миронова: «разбери ты Прохорова съ Устиньей, кто правъ, кто виноватъ, да обоихъ и накажи...». Современный Пушкину русскій судъ его не удовлетворялъ. Еще въ стихотвореніяхъ своей молодости онъ выражалъ отвращеніе къ «крючковатому подъяческому народу, лишь взятками богатому и ябеды оплоту», и находилъ, что въ судѣ

«здравый смыслъ — путеводитель рѣдко вѣрный и почти всегда недостаточный», въ виду того, что нашъ храмъ правосудія постоянно осквернялся слишкомъ хорошо извѣстными злоупотребленіями. Содержаніе бреда Дубровскаго, когда ему предлагаютъ подписать «свое полное и совершенное удовольствіе» подъ рѣшеніемъ, коимъ онъ ограбленъ въ пользу богатаго и сильнаго сосѣда, многозначительно. Истинный судъ, по Пушкину, лишь тамъ, гдѣ прежде всего равно примѣняется ко всѣмъ равный для всѣхъ законъ, «всѣмъ простертъ *законовъ* твердый щитъ, гдѣ, сжатый *вѣрными* руками, гражданъ надъ *равными* главами ихъ мечъ *безъ выбора* скользитъ; гдѣ преступленье свысока разится *праведнымъ* размахомъ»; гдѣ, наконецъ, судьи не только честны, но и независимы, такъ что неподкупна ихъ рука «ни къ злату алчностью, ни страхомъ». Праведность размаха, о которой говоритъ поэтъ, несомнѣнно должна прежде всего выражаться въ живомъ отношеніи къ личности человѣка, не допускающемъ равнодушія къ его судьбѣ, требующемъ обдуманныхъ и справедливыхъ мѣръ изслѣдованія и разумныхъ мѣръ наказанія. Именно съ такой точки зрѣнія и смотрѣлъ Пушкинъ на отправленіе правосудія. Оно должно быть жизненно, а не отвлеченно и не давать, въ своемъ практическомъ осуществленіи, поводовъ къ приложенію словъ, влагаемыхъ Бомарше въ уста Фигаро: «я надѣюсь на вашу справедливость, *хотя* вы и представитель правосудія». Поэтому онъ съ любовью останавливается не на «дьякѣ, въ приказахъ посѣдѣломъ», который «спокойно зритъ на правыхъ и виновныхъ, добру и злу внимая равнодушно, не вѣдая ни жалости, ни гнѣва», а на Беккаріи, котораго изучалъ и считалъ «величайшимъ филантропомъ своего времени». Вопросы судопроизводства очень его интересовали. Онъ ясно понималъ, что истинная справедливость выше формальнаго закона и подчасъ ускользаетъ отъ однообразія механическихъ обрядовъ, и что судъ по предустановленнымъ доказательствамъ, безъ самодѣятельности судей, тревожно направленной на отысканіе правды, можетъ лишь служить принципу «summum jus — summa injuria».

Его смущало значеніе, которое формальный судъ придавалъ собственному сознанію подсудимаго. Онъ собирался писать повѣсть о двухъ казненныхъ въ Нюренбергѣ женщинахъ, Маріи Шонингъ и Аннѣ Гарлинъ, невинно осужденныхъ по всѣмъ правиламъ искусства, на основаніи собственнаго сознанія, даннаго подъ угрозою пытки, въ порывѣ отчаянія и въ восторженной надеждѣ на менѣе тягостную жизнь за гробомъ, — сознанія, провѣрить которое судьи не потрудились. Рисуя приготовленія къ «розыску и къ пыткѣ», онъ строго осуждаетъ «собственное признаніе», которому нашъ, современный ему, уголовный законъ придавалъ значеніе «лучшаго доказательства всего свѣта». «Думать, что собственное признаніе преступника необходимо для его полнаго обличенія», говоритъ Пушкинъ, «мысль не только неосновательная, но и совершенно противная здравому юридическому смыслу: ибо если отрицаніе подсудимаго не пріемлется въ доказательство его невинности, признаніе его и того менѣе должно быть доказательствомъ его виновности».

Въ то время, когда, въ глазахъ большинства, наказаніе основывалось на началахъ, выражаемыхъ афоризмами: «по дѣломъ вору и мука» и «дабы, на то глядючи, и другимъ было то дѣлати неповадно», онъ смотрѣлъ на наказаніе за преступленіе, какъ на средство исправленія, но не исключительно достиженія страданія или даже гибели виновнаго. Карательныя мѣры, господствовавшія въ XVIII вѣкѣ, представлялись ему жестокими. «Вездѣ бичи, вездѣ желѣзы!» восклицаетъ онъ, характеризуя «законовъ гибельный позоръ», исторгающій «неволи немощныя слезы». Въ замѣчаніяхъ на «Анналы» Тацита, приводя разсказъ о присужденіи сенатомъ Вабія Серена къ заключенію на безлюдномъ островѣ, чему воспротивился Тиберій на томъ основаніи, что человѣка, коему дарована жизнь, не слѣдуетъ лишать способовъ для ея поддержанія, Пушкинъ восклицаетъ: «слова, достойныя ума свѣтлаго и человѣколюбиваго!»

Одной справедливости, однако, мало для того, чтобы размахъ меча правосудія былъ праведнымъ. Истинное и широкое право-

судіе должно выражаться и въ человѣчномъ отношеніи къ виновному. Еще никогда примѣръ такой человѣчности и состраданія не бывалъ вреденъ. Во взглядѣ на это свойство правосудія Пушкинъ вполнѣ сходился со своимъ знаменитымъ полемистомъ—митрополитомъ Филаретомъ, который писалъ въ 1840 году: «Къ преступнику надо относиться съ христіанскою любовью, простотою и снисхожденіемъ, остерегаясь всего, что унпчижаетъ или оскорбляетъ. Низко преступленіе, а человѣкъ достоинъ сожалѣнія». Идея кроткой жалости, милости и прощенія проникаетъ массу произведеній нашего поэта. Можно сказать, что это одна изъ основныхъ нотъ его творчества. Уже его юношескому воображенію, когда въ немъ еще кипѣлъ избытокъ жизненной энергіи и любви къ борьбѣ, въ заманчивой нравственной красѣ рисуется картина побѣдителей, которые «весело и грозно бились, дѣлили дани и дары и съ *побѣжденными* садились за *дружелюбные* пиры» (1817 г.). Ему привлекателенъ Петръ, ласкающій «славныхъ плѣнниковъ своихъ» и подымающій заздравный кубокъ за своихъ учителей (1828 г.). Но особенно дорогъ ему и понятенъ великій монархъ, когда онъ «съ подданнымъ мирится, виноватому вину отпуская, веселится и *прощенье* торжествуетъ, какъ *побѣду надъ врагомъ*» (1835 г.). Пушкинъ глубоко понималъ громадное значеніе шаговъ къ примиренію съ оскорбленною и страждущею душой и благотворное вліяніе великодушнаго и широкаго прощенія. Онъ испыталъ на себѣ, какъ подъ «таинственнымъ щитомъ святого прощенія» умолкаютъ «бурныя чувства, кипящія въ сердцѣ — и ненависть, и грёзы мести блѣдной»... Вотъ почему «лукавый льстецъ» способенъ накликать бѣду, стремясь ограничить идущую съ высоты трона милость; вотъ почему Пушкинскій Патріархъ въ «Борисѣ Годуновѣ» благословляетъ Всевышняго, поселившаго въ душѣ Великаго Государя «духъ милости и кроткаго терпѣнья»; вотъ почему великій поэтъ нашъ всю жизнь свою «участьемъ отвѣчалъ застѣнчивой мольбѣ» и имѣетъ гордое право на любовь народа уже за то, что провозглашалъ милосердіе призваніемъ царя,

и, исполняя *свое* призваніе, чуднымъ непревзойденнымъ даромъ своимъ «милость къ падшимъ призывалъ».

Въ этой его особенности могутъ увидѣть противорѣчіе съ воспѣваніемъ «славы бранной». Но представленіе о немъ, какъ о пѣвцѣ этой мрачной славы, невѣрно такъ же, какъ и нѣкоторыя другія о немъ представленія. Никогда поклонникомъ войны, какъ средства для добычи славы, онъ не былъ. Его разумъ и человѣчность возставали противъ лишенныхъ внутренняго содержанія понятій, столь дорого иногда обходящихся людямъ. Почти всѣ пѣсни его, посвященныя войнѣ, относятся къ началу двадцатыхъ годовъ, когда кругомъ все еще было полно «священной памятью двѣнадцатаго года» и обаяніемъ только что выдержанной борьбы за народную независимость, за положеніе, добытое вѣковыми усиліями и жертвами, давшее русскому народу испытать «высокій жребій». Написанное позже — было вызвано впечатлѣніями начавшагося возстанія грековъ противъ турецкаго ига и послѣдовавшей за тѣмъ борьбы, захватившей сердца народовъ и правительствъ. И въ обоихъ случаяхъ дѣло шло не о добываніи бранной славы, а о жизненныхъ условіяхъ существованія двухъ народовъ, о родинѣ и о «странѣ героевъ и боговъ». «Возстань, о Греція, возстань!» восклицалъ Пушкинъ: «страна героевъ и боговъ, расторгни рабскія вериги, при пѣньѣ пламенныхъ стиховъ Тиртея, Байрона и Риги». Картины битвъ, нарисованныя имъ, тоже не могутъ свидѣтельствовать о его вкусѣ къ тому, что Пироговъ назвалъ «травматическою эпидеміею». Не равнодушно и безразлично, съ холодною точностью опытнаго батальнаго художника, рисуетъ онъ ужасную картину полтавскаго кровопролитія, когда сливаются въ одно «клики, скрежетъ, ржанье, стонъ и смерть, и адъ со всѣхъ сторонъ». Онъ видитъ въ немъ неизбѣжное жертвоприношеніе для выполненія предназначенія Россіи, грозный путь къ «гражданству сѣверной державы», достигнутому побѣдою надъ сосѣдомъ завистливымъ и надменнымъ, мѣшавшимъ ея развитію и внесшимъ войну въ ея внутреннія области. «Лоскутья сихъ знаменъ побѣдныхъ» до-

роги ему, какъ указавшіе «повелительныя грани» тѣмъ, кто хотѣлъ бы ограничить политическую самобытность Россіи, дороги, какъ вѣявшіе надъ русскимъ солдатомъ, на ряду съ беззавѣтною храбростію котораго Пушкинъ съ восхищеніемъ отмѣчалъ отсутствіе ненависти къ врагу и тщеславія побѣдами. Его, по собственнымъ словамъ, не манитъ слава, «грозящая перстомъ окровавленнымъ», вовсе не плѣняетъ «бранная забава», которую «любить нельзя», и если, въ 1821 г., имъ и высказано желаніе вырваться на войну, то лишь потому, что «въ смерти грозномъ ожиданьѣ» онъ думалъ заглушить «тоску своихъ привычныхъ думъ», отъ коихъ увядалъ, «какъ жертва злой отравы». Но и тутъ онъ чувствовалъ, что въ немъ не родится «*слѣпая* славы страсть, свирѣпый даръ героевъ». Это смерти грозное ожиданье и готовность умереть за родину, способная возбудить зависть къ тѣмъ, «кто умереть шелъ мимо насъ», представляются ему необходимымъ условіемъ войны, а не жажда чужой гибели, — и Наполеонъ, «царемъ возсѣвшій на гробахъ», былъ ему ненавистенъ. По отношенію къ тяжкой долѣ войны у него слышатся звуки примиренія; «въ бореньѣ падшій невредимъ»: ему не должно «узрѣть гнѣвнаго лица народной Немезиды» и «услышать пѣснь обиды отъ лиры русскаго пѣвца». Съ наступленіемъ зрѣлаго возраста однѣ картины мира и внутренняя жизнь человѣка приковываютъ къ себѣ поэта, и онъ «жадно внимаетъ» Мицкевичу, говорящему о «временахъ грядущихъ, когда народы, распри позабывъ, въ великую семью соединятся». Знаменательно, что празднованіе дня рожденія Пушкина приходится въ такое время, когда въ другой странѣ Европы, въ тихой столицѣ Голландіи, занимается отдаленная заря осуществленія этой возвышенной надежды, по великодушному почину, идущему отъ его родины. Нужды нѣтъ, что раздаются скептическіе голоса, что небо надъ лучами этой зари еще покрыто облаками своекорыстнаго, жестокосердаго упорства и недоразумѣній: достаточно, что лучи эти блеснули... Разъ занялась заря — солнце взойдетъ непремѣнно: таковъ законъ физической природы, таковъ законъ и природы

нравственной. Пускай же и въ этомъ отношеніи нашъ возлюбленный поэтъ, восторженно восклицавшій: «ты, солнце святое, гори!» — будетъ пророкомъ...

Въ нравственно-житейскую формулу Пушкина входила очень трудно исполнимая часть: «роптанью не внимать толпы непросвѣщенной». Самъ поэтъ находилъ, что «конечно презирать не трудно отдѣльно каждаго глупца, но — чудно! всѣхъ вмѣстѣ презирать ихъ трудно...» Ему тяжело жилось въ современномъ ему обществѣ, гдѣ приходилось нести свою любовь къ правдѣ, свое «роптанье вѣчное души» въ бездушную среду «злыхъ безъ ума, безъ гордости спесивыхъ», влачащихъ скуку, «какъ скованный невольникъ мертвеца», и отдыхающихъ на чувствѣ недоброжелательства и на виртуозности клеветы по отношенію ко всякому, кто умственно или нравственно возвышается надъ ихъ уровнемъ. Въ то время, когда поэту казалось невозможнымъ считать, что «добро, законъ, любовь къ отечеству, права — лишь только звучныя слова», ему же приходилось въ письмѣ къ Чаадаеву съ душевною болью отмѣчать у насъ «отсутствіе общественнаго мнѣнія, равнодушіе къ долгу, правосудію и правдѣ», благодаря чему создаются такія условія жизни, при которыхъ отдѣльныя личности, какъ писалъ онъ князю Вяземскому, «у насъ не зрѣютъ, а сохнутъ иль гніютъ». Глубокое отвращеніе къ этой средѣ, обнимавшей его со всѣхъ сторонъ, почти во всѣхъ проявленіяхъ тогдашней скудной общественной жизни, жило въ душѣ Пушкина. «Подите прочь! какое дѣло поэту мирному до васъ» — говорилъ онъ людямъ этой среды, считая ихъ входящими въ составъ «толпы» и вовсе не обозначая этимъ именемъ народа, въ презрѣніи къ которому его силились упрекнуть умышленно не хотѣвшіе его понимать люди. Вся творческая его жизнь, посвященная духовному служенію народу, громко вопіетъ противъ такого обвиненія! Не могъ презирать народъ тотъ, который написалъ «льстецъ скажетъ: презирай народъ!» Подъ «толпою» онъ разумѣлъ все низменное, къ какому бы слою общества оно ни принадлежало, — всѣхъ, читающихъ жадно мемуары и записки вы-

дающихся людей, съ цѣлью найдти щекотливыя разоблаченія или признанія и въ низости своей радующихся униженію высокаго, слабостямъ могучаго потому, что «онъ малъ и мерзокъ, какъ мы!» «Врете вы!» восклицаетъ Пушкинъ «онъ и малъ, и мерзокъ, но не такъ, какъ вы — иначе!...»

Есть, однако, большая разница между теоретическимъ отрицаніемъ и практическимъ отреченіемъ. Оцѣнивъ эту толпу по достоинству, признавая, что «достойны равнаго презрѣнья ея тщеславная любовь и лицемѣрныя гоненья», Пушкинъ, казалось бы, логически долженъ былъ дойти до неуязвимости по отношенію къ ней. Но въ дѣйствительности, среди житейскихъ условій, въ которыя онъ былъ почти безвыходно поставленъ, его душа, довѣрчивая и нѣжная, была открыта злобному шипѣнію и изощреннымъ надругательствамъ свѣтской толпы. Воспріимчивая натура поэта и его гордое чувство собственнаго достоинства открывали этой «хладной» толпѣ возможность постоянно наносить его сердцу «неотразимыя обиды» и своими клеветническими легендами, построенными на вымыслахъ, направленныхъ именно на оскорбленіе его человѣческаго достоинства, доводить Пушкина до мысли о самоубійствѣ и до просьбы о ссылкѣ въ Сибирь или о заточеніи въ крѣпости. Едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что императоръ Николай Павловичъ цѣнилъ Пушкина. Онъ, по прекрасному выраженію послѣдняго, «почтилъ его вдохновеніе и освободилъ его мысль», и записки Смирновой, помимо различныхъ другихъ данныхъ, содержатъ въ себѣ цѣнныя указанія на сочувственное и внимательное отношеніе государя къ великому русскому поэту. Возвышенная душа Пушкина не стыдилась чувства благодарности и умѣла его испытывать, а руководясь своимъ свѣтлымъ умомъ и любовью къ правдѣ, онъ умѣлъ отдѣлять добрыя намѣренія русскаго царя отъ практическаго ихъ осуществленія послѣ того, какъ они прошли сквозь враждебную поэту среду исполнителей. Слова нелицемѣрной признательности государю звучатъ въ устахъ Пушкина до послѣднихъ минутъ его жизни. Но такое отношеніе къ нему императора

Николая было не по плечу или, вѣрнѣе, не по душѣ свѣтской толпѣ и ея вліятельнымъ представителямъ.

Умъ Пушкина, «любя просторъ», тѣснилъ всѣхъ, кому не страшна одна лишь посредственность, а сознаніе своего призванія не дозволяло ему склонить гордое чело ни предъ толпою, ни предъ отдѣльными личностями «въ величіи неправомъ». Научившись не завидовать послѣднему, онъ вооружалъ его носителей противъ себя, то бичуя ихъ «пламенной сатирой», то, по выраженію Баратынскаго, «вцѣпляясь имъ въ глаза» мѣткими эпиграммами. При этомъ, въ личныхъ сношеніяхъ, благодаря своей страстной искренности, онъ, конечно, забывалъ правило житейской осторожности, совѣтующее не относиться съ презрѣніемъ ко всякому, кого невозможно уважать и не разглашать о своихъ личныхъ недостаткахъ (всегда при томъ преувеличивая ихъ, какъ это было въ его обычаѣ), въ забвеніи, что для этого, во всякомъ случаѣ, существуютъ друзья, и что люди рѣдко понимаютъ существованіе слабостей, доступныхъ только сильному. Поэтому усталость отъ условій своего существованія и дѣятельности была въ немъ совершенно законна и естественна. Онъ былъ до того стѣсненъ въ своемъ творчествѣ посредниками между нимъ и его вѣнчаннымъ цензоромъ, что получилъ замѣчаніе Бенкендорфа за напечатаніе «Анчара» съ *цензурнаго* разрѣшенія, и въ 1835 г. долженъ былъ въ прошеніи, исполненномъ ироніи и подавленнаго гнѣва, *всеуниженно* просить цензурный комитетъ урегулировать его отношенія къ цензурѣ. Дошло до того, что ему приходилось скрывать имя автора при печатаніи «Капитанской дочки», а «Мѣдный всадникъ» былъ запрещенъ.

Все глубже и глубже вдумываясь въ задачи жизни и въ свое призваніе, не находя подчасъ правильной оцѣнки и пониманія своихъ побужденій даже у друзей и оскорбляемый двуличными, приправленными пошлостью, похвалами и худо скрытою злобою современной ему критики, — Пушкинъ думалъ найти отдыхъ и обновленіе въ семейной жизни. Онъ смотрѣлъ серьезно на положеніе женщины въ обществѣ. Женщина — игрушка стра-

стей, ограниченная въ гражданскихъ правахъ, поставленная въ положеніе взрослаго ребенка, не другъ и товарищъ, не «сослужебница» въ жизни мужа — явленіе, пагубно отражающееся на всемъ общественномъ организмѣ. Пушкинъ ясно сознавалъ это и не разъ, въ разной формѣ, преслѣдовалъ пустоту женской жизни въ свѣтскомъ обществѣ, указывая въ своихъ замѣткахъ, письмахъ и «Рославлевѣ» на полное духовное равенство женщины съ мужчиною, требующее серьезнаго къ ней отношенія. Онъ былъ проникнутъ глубокимъ уваженіемъ къ семейной жизни и къ браку. «Зависимость жизни семейственной дѣлаетъ человѣка болѣе нравственнымъ», писалъ онъ. Слишкомъ наивно было бы, по справедливому мнѣнію профессора Кирпичникова, защищать молодого поэта отъ проповѣдниковъ прописной морали, которые, гордясь своей дешевой добродѣтелью трусости и безстрастія, обвиняли его въ томъ, что онъ находилъ поэзію въ дружеской трапезѣ или поддавался обаянію женской красоты. «Сіонскія высоты» всегда стояли передъ нимъ. Русланъ и Ратмиръ его юности, Татьяна его зрѣлыхъ лѣтъ показываютъ, что это обаяніе не затемняло въ немъ семейнаго идеала. «Храните вѣрныя сердца для нѣгъ законныхъ и стыдливыхъ»,— говоритъ онъ 24-хъ лѣтъ отъ роду, и жадное желаніе семейнаго счастія звучитъ во всей его перепискѣ со второй половины 20-хъ годовъ. Созданный имъ въ 1833 г. образъ капитанши Мироновой и ея трогательныя слова предъ приступомъ Пугачова обрисовываютъ возвышенный взглядъ Пушкина на «consortium omnis vitae». Если его сознательный и обдуманный выборъ былъ неудаченъ въ томъ смыслѣ, что еще крѣпче привязывалъ его къ свѣтскому обществу и «впрягалъ въ одну телѣгу коня и трепетную лань», и если поэтому онъ не нашелъ полнаго отзывчивой гармоніи домашняго счастія, то можно лишь жалѣть объ этомъ, но несправедливо пылать дешевымъ негодованіемъ противъ той, которую онъ самъ называлъ «чистѣйшей прелести чистѣйшимъ образцомъ» и право которой на свою нѣжную, довѣрчивую любовь торжественно засвидѣтельствовалъ предъ лицомъ смерти.

Въ отравѣ послѣднихъ лѣтъ его жизни виновна все та же клевета, которая, притаясь на время и мѣняя цвѣта, какъ хамелеонъ, нашла въ самомъ образѣ жизни семьи, принадлежащей свѣту и подчиненной его условностямъ и суетнымъ обычаямъ, новую для себя пищу. Въ одной изъ своихъ боевыхъ рѣчей знаменитый Брайтъ сказалъ: «могутъ ли оставаться спокойными честное сердце и возвышенный умъ, чувствуя, что они ненавидимы, когда хотѣлось бы пользоваться заслуженною любовью, и внимая вокругъ себя тонкій свистъ клеветы, ползущей, подобно змѣѣ, во тьмѣ, такъ что нѣтъ возможности поразить ее!?» Такая именно клевета, направленная на Пушкина, вползла въ семейную жизнь его и обвилась вокругъ него нерасторжимымъ кольцомъ. Отравляя его сердце, смущая его умъ, она предала его тяжкимъ мукамъ подавленнаго гнѣва и сознанія своей безпомощности противъ грязнаго вторженія празднаго злорѣчія въ «святая святыхъ» его души. Разорвать это кольцо и вернуть необходимое спокойствіе могъ бы одинъ лишь отъѣздъ изъ Петербурга и связанныя съ этимъ новыя впечатлѣнія. Его манили Римъ, Византія и Іерусалимъ, о которыхъ онъ хотѣлъ бы написать поэму, онъ порывался даже въ далекій Китай. Но человѣкъ, коварной и лицемѣрной дружбѣ котораго былъ довѣрчиво ввѣренъ государемъ Россіи ея первый поэтъ, держалъ его, какъ Прометея, прикованнымъ къ сѣрой и холодной петербургской скалѣ и предоставлялъ коршунамъ терзать его сердце, о которомъ самъ Пушкинъ уже говорилъ: «пора! пора! покоя сердце проситъ»... Нечистыя руки вооружили клеветническое перо,—и участь Пушкина была рѣшена. Но и тутъ нравственный образъ Пушкина ярко вспыхнулъ въ послѣдній разъ. Угасая, онъ не раздѣлилъ скорби Кочубея, которому пришлось «смерти кинуться въ объятья, не завѣщая никому вражды къ злодѣю своему», и потребовалъ отъ своего друга и секунданта Данзаса обѣщанія не мстить прощенному имъ Дантесу.

Вдумчиво касаясь общественныхъ язвъ и раскрывая ихъ, Пушкинъ искалъ и исцѣленія ихъ. Онъ сознавалъ, что не только

карающаго, но и созидающаго закона для этого недостаточно. Необходимо свободное развитіе духовныхъ силъ народа путемъ общественнаго воспитанія и истиннаго просвѣщенія. Отсутствіе воспитанія воли, ума, характера всегда служитъ корнемъ многихъ золъ въ жизни личной; отсутствіе просвѣщенія народа — источникъ зла въ жизни государственной. Чѣмъ шире будетъ разливаться послѣднее, тѣмъ лучше. Лишь лукавый льстецъ, по словамъ поэта, можетъ говорить, что «просвѣщенья плодъ—развратъ и нѣкій духъ мятежный». Напрасно относить какія бы то ни было людскія безумства къ избытку просвѣщенія: напротивъ, одно просвѣщеніе способно оградить отъ общественныхъ бѣдствій, — думалъ онъ и ссылался на многозначительныя слова манифеста 1826 года о гибельномъ вліяніи не просвѣщенія, *а праздности ума*, болѣе вредной, чѣмъ праздность тѣлесныхъ силъ. Эта праздность ума и то, что мы «учились понемногу чему-нибудь и какъ-нибудь», то-есть, безъ всякой системы и опредѣленной цѣли — смущали его, такъ какъ, не давая прочныхъ основъ для житейскаго труда, ложились въ основу «тоскующей лѣни», для которой такъ часто единственнымъ занятіемъ въ постыдномъ «бездѣльѣ жизни праздной, какъ пѣснь рабовъ однообразной», являлись карты, «однообразная семья — все праздной скуки сыновья». Еще болѣе, чѣмъ несовершенство законовъ или отчужденность ихъ отъ жизни пугала его «сгущенная тьма предразсужденій» и поддерживающій ее «невѣжества губительный позоръ», не только кладущій постыдную тѣнь на общество, мирящееся съ нимъ, но зачастую и ведущій его къ гибели. Отсюда удивленіе Пушкина предъ Ломоносовымъ, этимъ «первымъ самобытнымъ подвижникомъ русскаго просвѣщенія»; отсюда его восхищеніе Петромъ, «самодержавною рукой смѣло сѣявшимъ просвѣщеніе»; отсюда увлекающая его картина, когда «раздался въ честь науки пѣсенъ хоръ и пушекъ громъ!»

Безпощадная смерть рано похитила Пушкина. Онъ раздѣлилъ судьбу Рафаеля и Байрона, скончавшихся тоже на 37 году жизни. Онъ только больше ихъ выстрадалъ, прежде чѣмъ сомкнулъ

глаза на вѣки. Страдальческая кончина его почти обрадовала тѣхъ, кого онъ называлъ толпою, повергла въ глубокую скорбь тѣхъ, кто понималъ, *чего* лишилась Россія въ Пушкинѣ.

Пушкинъ погибъ, но не умеръ. Можно было разрушить его тѣлесную оболочку, но плоды его духа, его творческаго гепія не поддаются смерти. Онъ самъ зналъ это, говоря въ пророческомъ предвидѣніи: «нѣтъ! весь я не умру! Душа въ завѣтной лирѣ мой прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжитъ...» Звонъ его душевныхъ струнъ стоялъ надъ русскою землею непрерывно, то густѣя, то временно ослабѣвая подъ вліяніемъ злобы дня. Но взгляды односторонней оцѣнки и юношескаго задора, пробовавшаго колебать треножникъ «маленькаго, миленькаго Пушкина», прошли, «спадая ветхой чешуей», и 1880-ый годъ соединилъ у памятника въ Москвѣ, въ одномъ общемъ чувствѣ благодарнаго умиленія, просвѣщенныхъ русскихъ людей самыхъ различныхъ направленій. Тогда, казалось, безвременно погибшій поэтъ простилъ русскому обществу съ высоты своего пьедестала его вольныя и невольныя по отношенію къ себѣ прегрѣшенія... Въ забытьѣ послѣднихъ тѣлесныхъ мукъ своихъ, свѣтлѣя и прозрѣвая духовно, онъ говорилъ Далю: «Ну, подымай же! пойдемъ же выше! выше!» И онъ идетъ все выше и выше въ русскомъ самосознаніи, поднимая его за собою, облагораживая его...

Гремящій и чистый ключъ его поэзіи разлился по русской землѣ въ многоводную и широкую рѣку. Своимъ духовнымъ обликомъ Пушкинъ вѣщаетъ намъ о вѣчной красотѣ, о любви къ правдѣ, о милости къ падшимъ, о состраданіи. Онъ сказалъ: «Есть избранные судьбами людей священные друзья,—ихъ безсмертная семья неотразимыми лучами когда-нибудь насъ озаритъ...» Но кто же, если не онъ, принадлежитъ къ этой семьѣ? Его неотразимые лучи свѣтятъ надъ нами, онъ на школьной скамьѣ и въ тишинѣ семьи встрѣчаетъ нашу молодежь и учитъ ее, посвящая въ тайны русскаго языка, въ его невыразимую прелесть; онъ будитъ въ устающемъ сердцѣ старика вѣчныя чувства и память о лучшихъ порывахъ его молодой когда то

души! Недаромъ сказалъ ему Тютчевъ: «Тебя, какъ первую любовь, Россіи сердце не забудетъ!» А кого нельзя забыть, тотъ не умираетъ. И кажется, что здѣсь, на праздникѣ нашего духа и нашей справедливой гордости, въ средѣ Академіи Наукъ, присутствуетъ и онъ, ея славнѣйшій членъ, живой, подвижный, съ выразительнымъ лицомъ, въ густыхъ кудряхъ волосъ, съ печатью свѣтлой думы на челѣ, — и что сегодня его веселый, дѣтскій смѣхъ звучитъ особенно радостно, безъ затаенной ноты скорби, и прекрасные голубые глаза не имѣютъ повода темнѣть отъ боли и гнѣва... Такъ отдаленная звѣзда, уже прекративъ свое существованіе, продолжаетъ лить на землю свои чистые, свои плѣнительные лучи...

Лен. Гос. Университет
Научн. библиотека
им. М. Горького

[80к]

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Февраль 1900 г.
Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.